

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУКЧЕЙ, КОРЯКОВ И ИТЕЛЬМЕНОВ

Происхождение чукчей, коряков и ительменов неоднократно привлекало к себе внимание выдающихся представителей этнографии, антропологии и археологии¹. Интерес к этой проблеме объясняется загадочной обособленностью языков северо-восточных палеоазиатов, близостью области расселения этих народов к Американскому материку, своеобразием, архаичностью и экзотичностью их культуры, наличием в ней американоидных черт.

Наиболее обстоятельное решение проблемы этногенеза северо-восточных палеоазиатов в свете антропологических данных с привлечением других источников было предложено в 1958 г. М. Г. Левиным. Основные положения, выдвинутые им о том, что северо-восточные палеоазиаты сформировались на основе местных неолитических племен, что наиболее вероятной областью их формирования были Камчатка и северная часть Охотского побережья, продолжают оставаться в силе. Однако накопившиеся после выхода монографии М. Г. Левина археологические материалы, языковые свидетельства, этнографические наблюдения проливают свет на некоторые стороны этой проблемы.

Рассмотрение происхождения северо-восточных палеоазиатов целесообразно начать с вопроса об особенностях, выделяющих их из среды окружающих народов. Еще в XVIII в. было обращено внимание на близость корякского, чукотского и ительменского языков («Языки и письменность народов Севера», 1934; Скорик, 1958б). Последующие исследования показали не только близость, но и родство, позволявшее объединить их в группу чукотско-камчатских языков² («Языки народов СССР», 1968, 294—333). Общность, характерная для этой группы, охватывает все стороны языковой системы. Вместе с тем чукотский и корякский языки объединены большим сходством, и они в целом в известной мере противостоят ительменскому³.

О близости всех трех групп северо-восточных палеоазиатов свидетельствуют и антропологические данные. Население крайнего северо-востока Азии по основным расово-дифференцирующим признакам выделяется в особую арктическую группу, или арктическую расу, в составе двух типов: берингоморского и камчатского (Дебец, 1951). Определенное единство северо-восточных палеоазиатов вырисовывается и по этнографическим данным. Тип хозяйства чукчей и коряков, формы одежды, транспорта, орудий охоты и рыболовства, жилища, несмотря на встречающиеся локальные особенности, обнаруживают много общих черт (Иохельсон, 1907, 75).

Об известной целостности этой группы говорят также исторические материалы, данные о ее расселении в XVII в. к приходу русских (Долгих, 1960а, 549—578). В целом имеющиеся материалы рисуют северо-восточных палеоазиатов как сложную, в известной степени единую, хотя и очень аморфную, этноязыковую общность. Это обстоятельство заставляет искать общие корни происхождения северо-восточных палеоазиатов. В культуре этого своеобразного этнического образования, как неоднократно отмечалось, прослеживаются разновременные пласты (Золотарев, 1938).

Накопившиеся за последние десятилетия археологические данные позволяют в известной мере датировать отдельные этапы складывания и развития культуры палеоазиатов, паметить географические пределы распространения отдельных культурных элементов. Появление человека на крайнем северо-востоке Азии, по косвенным данным, археологическим находкам в Америке, датируется не менее как тридцатью тысячами лет (Береговая, 1967, 85—103; Мочанов, 1969а, 79—86; Ларичев, 1969, 41—43), но подлинные следы человека в интересующей нас области относятся к значительно более позднему времени.

Открытие Ушковской стоянки на Камчатке, датирующейся по радиоуглеродному методу 10360 ± 350 лет с характерным мезолитическим инвентарем (Диков, 1967а, 16—31; 1969, 103—113), и Сумнагинской культуры Якутии, датирующейся VIII—V тысячелетиями (Мочанов, 1969б), позволяет утверждать, что отдельные, редкие коллективы бродячих охотников появились в последникоый период и на северо-востоке Сибири. Однако пока нет убедительных данных, для того чтобы говорить о какой-либо этнической или языковой принадлежности малочисленных носителей позднелалеолитической или мезолитической культур этой области, тем более о прямых генетических связях их с предками северо-восточных палеоазиатов.

В культуре последних, так же как и в культуре многих народов Сибири и Северной Америки, можно видеть следы древней мезолитической и раннелолитической комбинированной культуры бродячих охотников и рыболовов. Не вдаваясь в детальный сравнительный анализ каменного и костяного инвентаря мезолитических и раннелолитических стоянок Камчатки, Чукотки, Охотского побережья с бытовавшими у северо-восточных палеоазиатов в XVIII—XIX вв. орудиями труда, отметим, что в культуре последних к этому древнейшему пласту, стадии охотничье-рыболовецкой культуры, видимо, восходят простейшие гарпуны, остроги, костяные рыболовные крючки, переметы из обоюдоострых тонких костяных, роговых или деревянных спиц. Способы консервации мяса и рыбы единообразны на всем протяжении приполярной зоны Азии и Америки (Eidlitz, 1969).

Человек эпохи мезолита обладал определенными навыками выделки шкур с помощью каменных скребков и различных жи-

вотных дубителей. Эти способы также поразительно схожи в Северной Азии и Северной Америке. По-видимому, для этой культуры был характерен способ добычи огня с помощью сверления. Прибор для добывания (высверливания) огня, состоявший из лучка со стержнем, еще недавно применявшийся чукчами и коряками, азиатскими и американскими эскимосами, видимо, имел распространение и среди северных племен Якутии и Таймыра. Так, долганы, северные якуты, юкагиры широко используют лучковое сверло для высверливания отверстий в полозьях и копыльях при изготовлении нарт (Попов, 1948, 70).

К этой стадии предположительно может быть отнесен и промысловый культ умирающего и воскресающего зверя, имевший широкое распространение среди северо-восточных палеоазиатов (Богораз, 1926). Значительное распространение следов этого культа в Восточной Сибири позволяет думать, что этот архангелский культ был воспринят предками северо-восточных палеоазиатов у древнейшего населения Северной Азии, но получил у них, так же как и у эскимосов, тлинкитов, алгонкинов и других североамериканских племен, дальнейшее развитие. Видимо, основные из отмеченных культурных явлений все же были выработаны охотничьими племенами, просочившимися на Север в эпоху голоцена.

В этот период северо-восток Азии, судя по археологическим данным, входил в большую культурную провинцию, включавшую Прибайкалье, Приамурье, север Монголии, значительную часть Северо-Восточной Сибири. Особенности археологического инвентаря Камчатки (Ушки, V—VI слой) (Диков, 1971, 10) обнаруживают известное сходство с инвентарем древнейшей стоянки Апангулой на Алеутских о-вах, датирующейся 8—10 тысячами (Васильевский, 1973, 12—34), с Приангарьем, Забайкальем, Приморьем, Японией (Аксенов, 1970, 43—52) и Восточной Монголией (поселение Хере Уул) (Окладников, 1966, 371; Васильевский, 1973, 43—44).

На стоянке Хере Уул сконцентрированы все характерные элементы, встречающиеся в различных сочетаниях на древнейших стоянках Прибайкалья, Камчатки и Алеутских о-вов. Все это позволило Р. С. Васильевскому сделать вывод, что именно из района Восточной Монголии шли культурные импульсы на север и восток. Археологические материалы, указывающие на Восточную Монголию как на область первичного формирования мезолитической культуры бродячих охотников-рыболовов, сочетаются с антропологическими данными.

Исследования соматологических и краниологических материалов Чукотки и Камчатки и сопоставление их с данными континентальных районов Северной Азии привели Г. Ф. Дебеца к заключению, что одним из путей заселения Америки является Тихоокеанское направление (Дебеч, 1951, 109). По мнению Г. Ф. Дебеца, такие признаки арктической расы, как сравнитель-

но темная пигментация кожи, темная окраска волос и глаз, максимальная жесткость волос головы, относительно слабая выраженность монголоидных особенностей строения верхнего века, свидетельствуют в пользу древних связей носителей этих признаков с обитателями Восточной Азии.

Исследования как берингоморского, так и камчатского типов арктической расы выявляют признаки, позволяющие говорить о генетических связях их носителей с древними представителями монголоидной расы (Дебец, 1951). Однако свои особенности берингоморский тип приобрел в результате изоляции и воздействия особых условий среды. Это положение относится и к камчатскому типу. Как показал М. Г. Левин, различия берингоморского и камчатского типов объясняются тем, что формирование их происходило в группах, в большей или меньшей степени территориально отдаленных друг от друга, хотя оба типа близки друг к другу (Левин, 1958, 206—212).

Возможно, с этой волной бродячих охотников-рыболовов, проникших из глубин Азии на северо-восток Сибири и на север Америки, связан древний языковый субстрат, прослеживающийся в палеоазиатских языках. На этот субстрат в свое время указал В. Г. Богораз, отметивший, что в чукотско-камчатских языках имеются особые словарные элементы, отличные и от эскимосских, и от американско-индийских (Богораз, 1928, 241). На древность его, так же как и на долговременность обособления чукотско-камчатских языков, указывает то обстоятельство, что эти языки не обнаруживают прямых связей с языковыми системами азиатского и американского материков.

Однако специфические черты культуры северо-восточных палеоазиатов проявляются не в этот изначальный период их формирования, а в эпоху развитого неолита. Своеобразные прибрежные региональные культуры вдоль Тихоокеанской дуги начали складываться в раннем неолите. Так, на севере Охотского побережья возникла комплексная прибрежная культура. Основным существованием населения здесь служили сухопутная охота, рыболовство, дополняемое сбором съедобных моллюсков и растений, случайной охотой на ластоногих (Васильевский, 1971, 32—46). В центральной части и на юге Камчатки доминировало рыболовство (Диков, 1964а). В континентальных районах Чукотского п-ова и прилегающих областей господствовала культура бродячих охотников-рыболовов (Диков, 1963). Около четырех тысяч лет назад на Алеутских о-вах развилась культура с характерным приморским хозяйственным укладом (Васильевский, 1971, 100—103).

В конце II тысячелетия до н. э. в северной части Тихого океана, как на побережье, так и на островах, в результате эволюции местных прибрежных культур возникли специализированные приморские культуры. Так, к началу I тысячелетия до н. э., судя по материалам американских исследователей, значительного

развития на побережье Юго-Западной Аляски достигли культуры морских зверобоев (район Бристольского залива) (Чард, 1962, 98; Collins, 1945; Doumond, 1965, 3, 102—104; Васильевский, 1971, 47—202). В ряде областей Азиатского побережья Тихого океана стали формироваться культуры морских зверобоев. В последние века до н. э. — в первые века н. э. неолитические культуры на о. Сахалине, в северной части Охотского побережья, в приморских районах Чукотки трансформировались в специализированные культуры морских зверобоев, характеризовавшиеся наличием поворотных гарпунов, каркасных лодок, обтянутых моржовыми или лахтакными шкурами. Основой существования прибрежного населения, носителей этих во многом своеобразных и специфических культур, стала охота на нерп, лахтаков, моржей и китов, что способствовало возникновению прочной оседлости и сравнительно крупных поселений.

Для нашей темы особый интерес представляет культура морских зверобоев северной части Охотского побережья, так называемая древнекорякская культура, описанная Р. С. Васильевским. Экономика этой культуры всецело была ориентирована на добычу морского зверя, подсобную роль играли рыболовство, собирательство и сухопутная охота. Анализ инвентаря древнекорякских стоянок показывает, что в ней явственно прослеживаются континентальные черты. Древнекорякская керамика (остродонные и круглодонные сосуды с ложнотекстильными отрисками) находит прямые аналогии в неолитической культуре Якутии и Прибайкалья.

Характерно, что ложнотекстильной керамике, обнаруженной на Охотском побережье, не предшествовала керамика каких-либо других форм. Появление здесь керамики справедливо связывается с выходом на побережье континентальных охотников (Васильевский, 1971, 174—175). Они принесли не только ложнотекстильную керамику, но и тесла с широким овальным лезвием, характерные для апгарских ранне-неолитических стоянок, ряд специфических форм каменных наконечников стрел и ножей (Васильевский, 1971, 174—175).

Значительное влияние на древнекорякскую культуру оказали неолитические культуры Приморья и Приамурья. Обнаруженные при раскопках древнекорякских поселений земляные юрты с выходом через дымовое отверстие в крыше и со снегозащитными устройствами не только близки к землянкам коряков позднего времени, известным по этнографическим описаниям, но и к неолитическим землянкам низовой Амура, бытовавшим 4—5 тысяч лет назад (Окладников, 1953а, 8—8; Васильевский, 1973). В период становления неолитических морских зверобойных культур, а возможно, и в более раннее время сложилась и оседлая рыболовецкая Камчатская культура. О древности ее возникновения свидетельствует то, что уже в ранне-неолитический период, судя по материалам Ушковской стоянки, рыболовство если не домини-

ровало, то играло весьма важную роль в хозяйственной деятельности обитателей центральной и южной части Камчатского п-ова (Диков, 1969, 162).

К сожалению, камчатская культура, несмотря на неоднократные археологические разведки, производившиеся на полуострове, исследована крайне недостаточно (Дитмар, 1904, 210—213; Ischelson, 1928; Bergman, 1926; Лев, 1935). Все же накопленный инвентарь, характерный для этой культуры (костяные и обсидиановые наконечники копий и стрел, роговые кирки-мотыги для копки корней, костяные остроги, наконечники дротиков, гарпуны простых форм, каменные кожи, в том числе и женские широколезвийные, шлифованные скобели, тесла, топоры), говорит о том, что здесь господствовала развитая неолитическая культура (Руденко, 1948, 164—165).

Можно полагать, что обитатели центральной и южной части Камчатки контактировали не только с охотниками на морского зверя северной части Охотского побережья и Курил, но и Алеутских о-вов. В инвентаре неолитических стоянок Камчатки обнаружены алеутского типа фигурные скребки, ножи, острообушенные тесла, клинья из ребер кита, виллообразные инструменты, остроги и губные украшения — лабретки. Однако общий археологический облик Камчатской культуры, как отметил С. И. Руденко, оказался близким неолитическим культурам Верхней Лены и Прибайкалья (Руденко, 1948).

В целом археологические данные позволяют заключить, что древнекорякская культура, так же как и близкая к ней камчатдальская, формировались под влиянием не только континентальных культур Якутии и Прибайкалья, но и культур Приамурья и Приморья.

Значительное воздействие на северные культуры морских зверобоев оказал сложившийся в Приамурье очаг производства железа (Деревянко, 1973). Видимо, отсюда железо (путем многократного перехода из рук в руки) стало проникать на Камчатку, в Северные области Охотского побережья, на Чукотку, Алеутские о-ва и Аляску.

Гравировальные инструменты, снабженные железными резцами, впервые были обнаружены в 1930-х годах Н. Коллинзом при раскопках эскимосских памятников пунукского времени на о. св. Лаврентия (Collins, 1937). В дальнейшем гравировальные инструменты были найдены на Ипиутакском могильнике (Larsen, Rainy, 1948). В 1959 г. Чукотским отрядом Северной экспедиции во время раскопок Уэленского могильника был найден аналогичный инструмент (Левин, Сергеев, 1960). Открытие гравировального инструмента с железным резцом вместе с инвентарем, характерным для древнеберингоморской культуры, позволило М. Г. Левину и Д. А. Сергееву утверждать, что железо проникло в Берингоморье не позднее середины I тысячелетия н. э. (Арутюнов, Сергеев, 1969).

Железо могло поступать к жителям Берингоморского побережья с Нижней Лены или Амура. Анализ материалов Уэленского и Эквенского могильников убеждает в том, что население Берингоморья, а следовательно и Камчатки, имело связи с Приамурьем, Приморьем, Японскими о-вами. Об этом говорят формы каменных погребов, имитирующих широколезвийные бронзовые мечи, распространенные в Японии на рубеже н. э. цепочки из звеньев, выполненные из единого куска моржового клыка, изготовленные, видимо, в подражание металлическим цепочкам (Арутюнов, Сергеев, 1975, 128). Имевшие распространение среди чукчей, коряков и азиатских эскимосов костяные пластинчатые панцири, шлемы, наручники, щиты обнаруживают сходство с японскими пластинчатыми панцирями и другими формами снаряжения японских воинов.

В целом археологический материал, касающийся Охотского побережья, Камчатки и частично Чукотки, позволяет заключить, что этническую основу северо-восточных палеоазиатов составили группы неолитических охотников, проникшие в эти районы из Якутии, Приамурья и Приморья и, возможно, смешавшиеся с остатками более древнего мезолитического населения и частично унаследовавшие его культуру.

В процессе постепенного экономического развития предки северо-восточных палеоазиатов перешли к морскому зверобойному промыслу, а в ряде районов — к полуседлому рыболовству. Это способствовало известной дифференциации арктической расы, выделению камчатского и берингоморского типов. На базе полуседлых береговых племен охотников на морского зверя сформировался берингоморский антропологический тип. Камчатский, или олений, антропологический тип, по данным Г. Ф. Дебеца, сложился во внутренних районах Чукотки и Охотского побережья на основе кочевых охотничьих племен еще до выделения оленьих подразделений, так как особенности этого типа не могут быть объяснены только смешением с представителями байкальского типа, хотя их позднейшее влияние несомненно (Дебеч, 1951).

Переход к морскому зверобойному промыслу и оседлости способствовал не только известному обособлению локальных культур, но и расхождению языков. Период расцвета приморских зверобойных культур языковеды связывают с диалектным дроблением эскимосских и алеутских языков (Меновщиков, 1973, 11—13). Видимо, к этому времени относится дробление на диалекты и корякского языка, выделение ительменского языка. Значительная обособленность ительменского языка внутри чукотско-камчатской группы языков, на что указал И. С. Вдовин, возможно, объясняется более древним формированием камчатской культуры по сравнению с северо-охотской (древнекорякской).

По мнению И. С. Вдовина, особенности языка и культуры ительменов свидетельствуют об их отличном происхождении от коряков и чукчей. Наблюдавшиеся элементы общности, он пола-

гает, возникли вследствие контактов исторического порядка (Вдовин, 1973, 28—36). Однако близость материальной части и грамматической структуры корякского и ительменского языков настолько значительна, что позволяет говорить не только о контактах, но и о генетических связях (Скорик, 1958а, б).

Становление специализированных культур морских зверобоев, культур оседлых рыболовов и соседствовавших с ними континентальных культур бродячих охотников на диких оленей постепенно привело к возникновению в северном секторе Тихого океана и в прилегающих районах большой историко-культурной области. Этнографические исследования культурных связей и миграций внутри этого обширного региона проливают некоторый свет на историю формирования северо-восточных палеоазиатов. Этнографические материалы позволяют выделить целый ряд общих культурных элементов для северо-восточных палеоазиатов и населения южной части Охотского моря, Курильских о-вов, о. Сахалина, о. Хоккайдо, а также Приамурья и Приморья.

Археологические данные, как отмечалось выше, свидетельствуют о близости, а в некоторых случаях и единстве конструкции землянок в этом регионе. Этнографические свидетельства говорят о близости не только зимних жилищ-землянок, но и летних. Летом коряки и ительмены жили в двускатных, крытых травой палатках на сваях (Jochelson, 1908; Крашенинников, 1948). Свайные жилища имели широкое распространение на Амуре и в Приморье (Штернберг, 1933). С использованием землянок с выходом через дымовое отверстие в крыше и свайных жилищ у северо-восточных палеоазиатов, так же как у эскимосов и значительной части населения Америки, возникли особые способы переноски тяжестей. Женщины носили детей и груз в мешках за спиной, используя налобную лямку, а мужчины — лямку, охватывавшую грудь и плечи (Boas, 1907).

Значительное сходство обнаруживается в типах долбленых лодок ительменов и народов Амура («Историко-этнографический атлас Сибири», 1961). Много общих деталей выявляется в способах заборного рыболовства, характерного для этих районов (Штернберг, 1933). Конечно, эти соответствия в значительной мере объясняются спецификой промыслов. Однако часто совпадают и детали, не имеющие функционального значения.

Несомненный интерес для понимания культурных связей в северной части тихоокеанского региона представляет распространение ступательных лыж-ракеток. Они широко использовались северо-восточными палеоазиатами, населением Курильских о-вов, Сахалина, Северной Америки (Boas, 1933; коллекция МАЭ). Во всех этих районах ступательные лыжи очень близки по конструкции. Но эти важные приспособления для ходьбы по снегу не применялись в континентальных районах Северной Азии; во всяком случае, в известный нам период истории лыжами-ракетками в этой части света пользовались только северо-восточные палео-

азиаты, тундровые юкагиры, айны и эскимосы («Историко-этнографический атлас Сибири», 1961). Возможно, это связано с тем, что снегоступы особенно удобны при передвижении по мокрому вязкому снегу, по неровностям ледяного припая. Однако нельзя не заметить, что скользящие лыжи в ряде районов Тихоокеанского побережья в XIX в. вытеснили ступательные (юг Камчатки, Командорские о-ва). По-видимому, снегоступы были широко распространены в силу древней традиции, а также отсутствия прочных контактов с населением Восточной Сибири, владевшим более удобными скользящими лыжами.

Северо-восточных палеоазиатов, в особенности ительменов и коряков, роднит с народами, осваивавшими Курильские о-ва, Приамурье и Приморье, а также с эскимосами, алеутами, атапасками и тлинкитами — плетение, употребление крапивы для изготовления сетей и циновок (Попов, 1955).

Еще в XVIII в. ительмены и коряки шили одежду из птичьих шкур. Этот элемент островной культуры, видимо, проник к ним с юга. Парки из птичьих перьев шили и алеуты (коллекция МАЭ).

Заслуживает внимания и то, что северный сектор Тихого океана является областью распространения особого, весьма сложного полосового орнамента. Техника его крайне специфична. Она заключается в том, что на кожаную основу накладываются кожаные полоски или заменяющие их материалы, которые затем обматываются оленьим волосом, сухожильными лентами или узкой полоской более тонкой кожи (Иванов, 1963, 244—249). Полосовой орнамент встречается в Северной Азии только у чукчей, коряков, юкагиров, нивхов, ульчей и негидальцев, а в Америке — у алеутов, западных эскимосов, северных атапасков (Штернберг, 1938; Wissler, 1920). У всех этих народов совпадали и сами узоры (Иванов, 1963, 245).

Л. Я. Штернберг этот орнамент считал характерным для народов тихоокеанского круга. Картографируя обшивки кожаных изделий, С. В. Иванов выделил особый северо-тихоокеанский ареал. Наличие его — свидетельство определенных культурных связей между народами Тихоокеанского побережья. Наряду с элементами культуры, общими для большого круга тихоокеанских народов, в культуре северо-восточных палеоазиатов выделяется и ряд элементов, свидетельствующих об особенно тесных связях палеоазиатов с эскимосами, алеутами, тлинкитами и алгонкинами.

Так, северо-восточные палеоазиаты использовали некоторые орудия охоты, широко распространенные среди коренных народов Северной Америки и почти неизвестные в Северной Азии. Для ловли птиц применяли метательный снаряд, состоявший из трех-четырех моряковых зубов или камней, привязанных к перничьим ремешкам или шнуркам, сплетенным из оленьих жил. Свободные концы ремешков или шнурков соединяли и укрепляли в ручке из птичьих перьев. Снаряд бросали в птичью стаю.

Он опутывал птицу, и она становилась добычей охотника. В качестве орудия охоты на птиц и нерп, а иногда и боевого оружия использовалась праща. Она состояла из продолговатой овальной полоски кожи с пришитыми к ее концам ремешками. Из пращи метали камни.

Чукчам, части береговых коряков были известны метательные дротики и копьёметалки. Они применялись для охоты на птиц. Это охотничье оружие имело широкое распространение среди алеутов (Bogoras, 1909). Следует отметить, что в среде северо-восточных палеоазиатов широко применялись для ловли рыбы всевозможные сачки, сплетенные из оленьих жил, травы или китового уса. Сачки такого же назначения имели распространение и среди племен Северной Америки (Boas, 1885; коллекция МАЭ).

В северной части тихоокеанского побережья сложились и своеобразные традиции в области одежды. С азиатскими, аляскинскими и гренландскими эскимосами, алеутами, тлинкитами и алгонкинами северо-восточных палеоазиатов сближает глухой покрой одежды, близкие по покрою формы меховой обуви. Не вдаваясь в детальное сопоставление покровов одежды всех этих народов (это тема особой работы), отметим лишь некоторые совпадения, свидетельствующие, по нашему мнению, о близких связях этих групп населения. Как известно, корякские и чукотские кухлянки снабжаются небольшим меховым нагрудником, чтобы предохранить мех кухлянок около горла от дыхания и влаги. Такой же формы нагрудники встречаются в одежде некоторых групп эскимосов, тлинкитов и равнинных индейцев. Летние корякские замшевые жилеты без рукавов типа пончо с бахромой, не зашитые под руками, находят аналоги у различных североиндейских племен Америки (Hatt, 1934).

Украшения в виде кругов-розеток, орнаментированные подшейным оленьим волосом или бисером, характерные для женских корякских кухлянок типа «гагагли», в той или иной степени свойственны также чукчам, эскимосам, различным племенам индейцев (Hatt, 1934). То же следует сказать об украшениях в виде тонких жгутов из окрашенного в красный цвет перпичьего меха. Характерно, что отмеченные формы и детали одежды, так же как и формы украшений, локализуются только на крайнем северо-востоке Азии и в Северной Америке и не свойственны населению континентальной части Северной Сибири.

Несомненный интерес представляет сравнительный анализ некоторых черт традиционной духовной культуры северо-восточных палеоазиатов и их западных соседей.

Колдовские промысловые праздники ительменов (Крашенинников, 1948), коряков (Jochelson, 1905), азиатских эскимосов (Воблов, 1952) обнаруживают близость к промысловым сезонным церемониям тлинкитов, алгонкинов и других североамериканских племен. Обращает внимание и то обстоятельство, что в обрядовых церемониях коряков и береговых чукчей использова-

лись деревянные и кожаные антропоморфные маски, а также маски из травы. Деревянные маски раскрашивали (Jochelson, 1905, 75; Гурвич 1962, 240). Антропоморфные и зооморфные маски применяли на праздниках при проведении плясок и во время обрядов лечения больных американские эскимосы и североамериканские индейцы (Авдиев, 1937, 272—277, 286—289, 292—295; коллекция МАЭ № 2448/8-17). Напротив, народы Сибири, соседствовавшие с северо-восточными палеоазиатами, в известный нам период масок не знали.

О контактных, а возможно, и генетических связях северо-восточных палеоазиатов и населения западного берега Аляски свидетельствуют мифологические предания. Древнеителменские представления о вóроне-мироустроителе, рисующемся в виде хитреца, обманщика, совпадают с представлениями тлинкитов. Здесь трудно видеть только стадияльные совпадения (Мелетинский, 1963). Вопрос о том, почему ареал легенд о вóроне расчленен областью легенд о Седне — владычице морей, как известно, был разрешен В. И. Иохельсоном в том плане, что эскимосы вторглись в Берингоморье и отделили индейцев от родственных им палеоазиатов (Иохельсон, 1907).

Он предложил и другое объяснение этому факту. Согласно второй гипотезе, доряки и в известной мере чукчи являются выходцами из Северной Америки (Jochelson, 1908). В этом случае понятно, что они принесли и фольклорный запас, характерный для индейцев. По-видимому, более близок к истине был А. М. Золотарев, объяснявший расчлененность ареала легенд о великом вóроне становлением в Берингоморье специализированного зверобойного хозяйства и возникновением представления об особом духе-хозяине морских зверей (Золотарев, 1938).

С американцами северо-восточных палеоазиатов связывают и другие формы искусства, в частности народная хореография. Таким образом, этнографические материалы свидетельствуют о наличии особой северотихоокеанской культурной области, включавшей Приморье, Приамурье, Охотское побережье, Камчатку, Чукотку, Аляску, Алеутские о-ва. В этногенетическом плане это позволяет говорить не только о древних культурных связях и взаимовлияниях этнических этноязыковых общностей, сложившихся в северной части Тихого океана, но также о диффузном пропикновении. Не этим ли объясняется наличие в погребениях на Камчатке алеутских черт — лабреток, скорченных костяков и т. д.

Однако применительно ко времени расцвета китобойных протоэскимосских культур типа Дорсет, Туле, Пунук имеются данные, указывающие на миграции носителей этих культур и на прямые контакты предков эскимосов с предками северо-восточных палеоазиатов. Становление развитых китобойных культур вызвало значительные перемещения населения внутри северного сектора Тихого океана (Giddings, 1966). Эскимосские поселения

стали распространяться с Чукотки на восток («История Сибири...», 1968) и на юг вплоть до Камчатки. По-видимому, в этом кроется причина того, что эскимосские топонимы встречаются в прибрежных районах Северной Камчатки в области расселения коряков и алюторцев (Вдовин, 1961, 27—63; Меновщиков, 1972, 30).

Возможно, здесь эскимосские колонии перемежались с поселениями древних коряков и впоследствии были поглощены последними. Этнографические материалы позволяют видеть, что эскимосы оказали сильнейшее влияние не только на соседящих с ними чукчей, но и на культуру береговых коряков и ительменов. Это сказалось как в распространении эскимосского типа орудий и средств транспорта, так и в ряде элементов, которые можно в известной мере рассматривать как эскимосские этнические индикаторы.

Как известно, до недавнего времени обязательной принадлежностью корякской погребальной кухлянки служил «хвост» — широкое удлинение задней полы. Его богато расшивали оленьим подшейным волосом. Удлинение-хвост не находит аналогий в одежде ни у кого из ближайших соседей коряков, кроме чукчей (Богораз, 1935, 356—357; Врангель, 1948, 387). Но такие удлинения округлой, а в ряде случаев и трапециевидной формы характерны для одежды арктических эскимосов (коллекция МАЭ; Hatt, 1969, 120—122). Удлинение-хвост затягивали между ног, закрепляли впереди у пояса. Оно предохраняло охотника во время долгого сидения на льду в ожидании зверя. Видимо, этот эскимосский элемент одежды, потерявший в условиях Камчатки функциональное промысловое значение, сохранился в силу традиции в погребальной одежде.

Значительные изменения в этническом и этнографическом облике северо-восточных палеоазиатов вызвало восприятие оленеводства. Для понимания этногенеза чукчей и коряков, как отмечал В. Г. Богораз, необходимо ответить на «вопрос о двойственности чукотско-корякских племен, которая в конечном счете сводится к двум этнографическим стихиям, сплетенным вместе много веков назад в одну неразрывную ткань» (Богораз, ААН, ф. 135, оп. 2, д. 43). Действительно, приморские зверобои и оленеводы вплоть до недавнего времени представляли собой два различных хозяйственно-культурных подразделения в корякском и чукотском этносах. При всей близости каждое из них отличалось известной замкнутостью.

Характерно, что оленные и береговые оседлые коряки говорили на разных диалектах и редко заключали между собой браки. Можно полагать, что выделение оленеводческих подразделений из среды племен, осваивавших прибрежные районы Берингова и Охотского морей, было фактором, способствовавшим складыванию традиционного облика корякского и чукотского этносов. Напомним, что А. М. Золотарев, исследовавший этногене-

тические проблемы северо-востока Сибири, относил формирование чукчей и коряков ко времени возникновения у них оленеводства (Золотарев, 1938, 86—87). К этому положению присоединился и М. Г. Левин (Левин, 1954, 221).

Впервые мнение о том, что чукчи и коряки заимствовали оленеводство от тунгусских народов, высказал Л. Шренк (Шренк, 1883, 176—178). Г. М. Василевич и М. Г. Левин убедительно показали, что техника чукотско-коряцкого оленеводства обнаруживает ряд признаков, сходных с тунгусским (ламутским) оленеводством. Чукчи и коряки, так же как и эвены (ламуты), выпасали оленей без пастушеской собаки, не доили оленей, применяли закрытый (бескровный) способ их кастрации. В чукотско-коряцком и тунгусском оленеводстве совпадают такие детали, не имеющие функциональной нагрузки, как прохождение поводка справа от упряжного оленя, отсутствие в упряжке поясного ремня.

Посадка как чукчей и коряков, так и тунгусов (ламуты) производится справа (Василевич, Левин, 1954, 82—84). Одинаковы и некоторые термины, относящиеся к оленеводству. Заслуживают внимания и доводы, приведенные Г. М. Василевич и М. Г. Левиным о том, что чукчи и коряки (скорее их предки) заимствовали оленеводство тунгусского типа от своих непосредственных соседей — чуванцев (одно из юкагирских племен). К этому следует добавить, что оленеводство было, очевидно, воспринято не только какой-то частью береговых оседлых зверобоев, в первую очередь предками северных оседлых коряков, паранцев, олюторцев и паланцев, диалекты которых обнаруживают наибольшую близость к чавчувенскому оленному диалекту, но и группами бродячих племен, занимавшихся охотой и рыболовством.

Археологические материалы пока не позволяют датировать время возникновения домашнего оленеводства на Охотском побережье. О том, что оленеводство возникло здесь сравнительно недавно говорит и то, что олени чукотско-камчатской породы крайне слабо одомашнены и очень близки к местным диким оленям. Укажем на то обстоятельство, что оленеводы — чукчи и коряки — затрачивают огромные физические усилия для того, чтобы предотвратить отход отдельных косяков оленей от стада. Поимка ездовых оленей производится ими главным образом при помощи аркана. В пути, на остановках чукчи и коряки не отпускают ездовых оленей на вольную кормежку, как это делают оленеводы эвены, северные якуты, долганы, а привязывают их на длинных ремнях к кольям, камням или кочкам.

Чукотско-коряцкие олени трудно поддаются обучению ходьбе в упряжке. В связи с этим для упряжных оленей применяются особые недоуздки с шипами («Историко-этнографический атлас народов Сибири», 1961, 24). Наличие у чукчей и коряков оленей особой местной тундровой породы на первый взгляд лишает доказательности гипотезу о заимствовании их предками олене-

водства от тунгусов, издавна использовавших оленей лесной породы. Однако это противоречие может быть объяснено тем, что предки северо-восточных палеоазиатов, восприняв оленеводство, приручили стада диких оленей (Гурвич, Кузаков, 1960, 34; Гурвич, 1967, 732).

Возможно также, что небольшое число оленей таежной породы, первоначально оказавшихся в руках предков чукчей и коряков, при частом заходе в стада домашних оленей диких самцов и спаривании домашних оленей с дикими, постепенно выродилось, вернее, уподобилось местной породе оленей. Напомним, что чукчи и коряки-олeneводы благожелательно относились к заходу в их оленьи стада диких самцов и высоко ценили полученное от них потомство (Богораз, 1901).

Чукчи и коряки-олeneводы позаимствовали многие элементы культуры из арсенала своих оседлых приморских братьев-зверобоев. Так, чукчи-олeneводы использовали для поимки оленей аркан из лахтачьей шкуры, не плетеный, а лишь прошитый, укрепленный добавочным ремнем (Bogoras, 1909, 84). Грузовые оленьи нарты (нельзя не указать на близость оленьей нарты и собачьей) имели решетчатый кузов, подобно решетчатому каркасу байдары или каяка (Bogoras, 1909, 90). В качестве погоняча чукчи и коряки-олeneводы применяли не шест-хорей, а прут с косяным клювом или кнут, подобный кнуту для поощрения собак (Bogoras, 1909, 84, 112).

Специфическое приспособление кочевого жилища чукчей и коряков-олeneводо-в — меховой полог, видимо, широко использовался в землянках. Характерно, что у чукчей для него существовало, по данным В. Г. Богораза, описательное наименование «шкура полярного медведя» (Богораз, ААН, 27). Вероятно, в землянках материалом для полога служили шкуры белых медведей. Полог — жилое спальное помещение в яранге — освещался и отапливался лампой-жирником. По форме лампы-жирники, использовавшиеся оленными и береговыми зверобоями — чукчами и коряками, не различались. Полог с лампой-жирником — на первый взгляд несложное добавление к яранге — явился важным культурным элементом, позволявшим круглый год существовать в лишенных древесного топлива открытых районах северной тундры.

Вместе с тем, как справедливо подчеркнул В. Г. Богораз, «уклад материальной жизни оленных чукчей остается тяжелым и громоздким, явно свидетельствующим о неполном приспособлении к потребностям кочевой жизни» (Богораз, ААН, 29). Развивая оленеводство, предки современных чукчей и коряков освоили обширные тундровые районы Камчатки, Охотского и Берингоморского побережий. В результате продвижения на Север, в глубь Чукотки, отдельных групп оленеводов-охотников и длительного отрыва их от основной массы коряков, можно полагать, и сложились чукчи как особая народность.

По мнению И. С. Вдовина, обособление чукчей произошло в связи с тем, что юкагиры, потесненные тунгусами и якутами в XIV—XIX вв., заняли бассейн Анадыря и отрезали чукчей от коряков (Вдовин, 1973, 257). Однако то, что это событие не нашло отражения ни в фольклоре чукчей и коряков, ни в исторических преданиях юкагиров, заставляет усомниться в реальности столь позднего возникновения юкагирского клина. Судя по археологическим данным и позднейшим историческим материалам XVII в., долину р. Анадырь и прилегающие районы, за исключением устья, издавна осваивали племена, занимавшиеся охотой на дикого оленя и рыболовством (Окладников, 1953; Окладников, Гурвич, 1957).

Оленеводы, предки чукчей, видимо, просочились сквозь редкие юкагирские кочевья по р. Анадырь на север Чукотки (Долгих, 1960а, 434—435). В этих сравнительно бедных оленем и рыбой районах переселенцы, естественно, старались держаться около побережья, где сталкивались и смешивались с эскимосами. Видимо, этот период отражают древние чукотские легенды о войнах с эскимосами. Как отметил В. Г. Богораз, древние рассказы о столкновениях с эскимосами весьма обезличены и стерты. «В них нет собственных имен, нет типичных фигур; постоянно встречается ряд однообразных поединков двух бойцов — эскимосского и чукотского — из-за морской добычи» (Богораз, 1934, XXIII).

В. Г. Богораз высказал предположение, что эти легенды относятся к XII—XIII вв. н. э., т. е. ко времени, когда, по его представлениям, эскимосы отступали из Азии в Гренландию. В этих древнейших рассказах чукчи уже называются оленными. Однако они изображаются не столько оленеводами, сколько бродячими охотниками, промысляющими в глубине страны. Этот штрих весьма важен. Видимо, первые группы оленеводов-палеоазиатов, проникавшие на Чукотский п-ов, существовали не столько за счет домашнего оленеводства, сколько за счет охоты и рыболовства. Этим, очевидно, объясняется то, что в чукотском календаре, в астрономических представлениях и фольклорных материалах наличествуют данные, свидетельствующие о значительной роли охоты на дикого оленя в хозяйстве древних чукчей (Вдовин, 1950, 77—80).

Оленеводы-охотники чукчи, владевшие небольшим количеством оленей, в условиях сравнительно бедной континентальной фауны Чукотки, естественно, стремились выйти на побережье, изобилующее морским зверем. Если бы оленеводческое хозяйство удовлетворяло потребности чукчей в пище и одежде, у них не было бы стимула для выхода на побережье. Напомним, что в близкое к нам время в среду берегового населения вливались главным образом семьи, лишившиеся своих оленей. Очевидно, до прихода русских на Крайний северо-восток Сибири чукотское оленеводство не имело значительных размеров. В условиях частых

столкновений с юкагирами и эскимосами содержание больших стад в этом районе было невозможным. Более значительный очаг оленеводства существовал в районе Охотского побережья, где сформировалась сравнительно однородная этническая среда.

Таким образом, можно выделить пескостольско-этапов культурогенеза, оказавшего несомненное влияние на формирование северо-восточных палеоазиатов. Видимо, древнейший субстратный пласт, легший в основу этого этнического образования, был связан с мезолитической культурой бродячих охотников и рыболовов, датирующейся VI—VIII тысячелетиями до н. э. Период возникновения оседлых зверобойных и рыболовецких культур, период распространения железных орудий явились временем становления специфических этнических черт северо-восточных палеоазиатов. Наконец, переход части северо-восточных палеоазиатов к оленеводству знаменовал собой сложение современного этнического облика чукчей, коряков и ительменов.

Формирование северо-восточных палеоазиатов, как показывают археологические и антропологические материалы, происходило не только на основе местных аборигенных элементов. Значительную роль в этом процессе сыграли выходцы из Прибайкалья, Якутии, Приморья и Приамурья.

Длительное обособление отдельных региональных подразделений предков северо-восточных палеоазиатов в период господства неолитических зверобойных и рыболовецких культур способствовало формированию специфических черт языка, физического облика. Этот период, особенно период распространения железных орудий, характеризовался медленным диффузным взаимопроникновением носителей региональных культур северного сектора Тихого океана. Этнические и культурные связи, миграции, видимо, резко усилились во время становления китобойных эскимосских культур. Переход части населения этого региона к оленеводству способствовал обособлению северных групп, осваивавших Чукотку.

В результате всех этих процессов на крайнем северо-востоке Азии сложилась своеобразная этнолингвистическая общность, именуемая в литературе северо-восточными палеоазиатами.

¹ Историкография вопроса ослеплена в ряде работ (Мевин, 1951, 212—224; Руденко, 1947, 5—13).

² Однако положение о генетической языковой близости чукчей, коряков и ительменов разделяется не всеми языковедами (Вдовин, 1970).

³ В 1950 г. исследователь чукотско-корякских языков П. Я. Скорик пришел к выводу, что два диалекта корякского языка — керякский и алуторский — являются особыми языками и вся группа насчитывает пять языков (Скорик, 1958а). Однако пересмотр языковой классификации чукотско-корякских языков в этом плане встречает серьезные возражения (Вдовин, 1973, 16—17).